

**Ефим “Фима” Герштейн
(Yefim “Fima” Gershteyn)**

**Стихотворения
(С января 2024)**

Об авторе

Родился в 1956 г. в Беларуси. Доктор экономических наук. С 1994 г. вместе с женой Мариной и сыном Вадимом (философ, доктор наук) живёт в США. Долгое время работал руководителем отдела в крупной фармацевтической компании. Автор публикаций в области экономики, политики, статистического программирования на русском и английском языках. Стихи пишет с 16 лет.

The author was born in 1956 in Belarus. Holds a Dr. Sci. degree in Economics. Since 1994, has been living in the US, with his wife Marina and their son Vadim (a Ph.D. philosopher). For a long time, he worked in leadership positions at a global pharmaceutical company. Authored numerous publications in Russian and English in economics, political analysis, and statistical programming. Has been writing poems since 16.

Содержание

Круг	1
Хожу не туда	3
Мне так легче	4
Прогулка - 6	10
Запинка	15
Победители	16
Утренний сон	20
Триптих	24
Прощение	25
Венеция	26
Наполовину	31
Savannah, Georgia	32
Портрет - 6	34
Из камня ...	35
Не заходи за черту ...	36
Дождь	37
Вряд ли изменится ...	38
Предпочтения	40
Сторожевая будка	47
Песни	53
Пробоина	55
Руки	56
Уже нечасто звоню друзьям ...	57
Рига	58
Ниточка	59
Неотражённый ...	60
Усталость	61
Необъяснимый сон	63
Сутки	70
Разбросанные дни	71
Исчезает вся прелесть ...	72
Менует	73
Все разойдитесь ...	74
Иная жизнь	75
День кога Люхи	76

Мир позабыл ...	80
Портрет - 7	81
Голос	84
Высокий холм ...	85
Nammosk Beach, Florida	86
Присесть ...	87
“Ещё” и “вот уже”	88
Памятник	89
Прага: мысли на Карловом мосту	90
Старые номера	93
Как время сейчас ...	97
Лица глубина ...	98
В этом месте ...	99
Марибор: Прощание	100
Не возвращаться ...	102
Гроза	105
Прикосновение	106
Жизнь	107
Время - 1	108
Время - 2	109
Лето кончилось ...	110
Неправильные глаголы - 2	111
О прошлых битвах ...	112
Долго ждал ...	113
Любовь, придуманная ...	114
Задумчивость	115
Дверь - 1	116
Дверь - 2	117
Птица	119
Не будет, конечно ...	120
В тумане озеро ...	121
Флаг	125
Забвение	126
Частично правдивые заметки о некоем доме престарелых	127

Круг

Прижаться
согреться
и не отпускать
потом незаметно
уснуть
оказаться
в привычном теперь
частом сне
которого
суть
в том что с теми
кто близок
опаздываешь
на самолет
потому что
неправильно
время считал
или время
не так идёт

а потом
проснуться
и медленно понимать
что неважно
и некуда
опоздать

и многих нет уже
с кем опаздывал
вместе

но радоваться что
еще тепло
и сожалеть
что отпустил
её
и вздрогнуть
а что если
и посмотреть
рядом ли она

успокоится
но больше уже
не заснуть
до утра
до света
входящего медленно
из окна

а днем
вспомнить снова
что мог самолёт улететь
без меня
без нас
и без них
может все же
и не улетел
но этого не узнать
пытаться
воспоминания гнать
пока смутный страх
глубоко
не проник
тысячью мелких
стрел

и ночи ждать
скорей темноты
вошедшей
через
то же
стекло
и спрятаться
в ту же кровать
чтобы прижаться
согреться
и не отпускать
ее и тепло
опять

Январь 2024

Хожу не туда

Хожу не туда, и пою я не с теми,
И путаю в песнях нещадно слова;
Ещё что бывает - не чувствую время,
Когда так уйти, чтоб заметно едва.

На светлом, уже подмороженном снеге,
Не в сторону ту, и неровны следы;
Повёрнуты снова туда, где я с Ней был,
Хоть знаю, что там - ожиданье беды.

На соснах и елях помечены стрелки:
Чтоб выйти из чащи, чтоб путь не забыл.
Я следую им, хоть и знаю, как мелко
Там всё, и нет тех, кто был дорог и мил.

Написаны буквы; в слова не ложатся:
Наверно, давно позабытый язык.
Понять всё равно продолжаю пытаться,
Хоть знаю - напрасно, но как-то привык.

Привык всё ж идти, и на что-то надеюсь,
На грабли ступать, получая по лбу,
И так себя чувствую вечно при деле,
Замедлить немного стараясь ходьбу.

Январь 2024

Мне так легче

Я заставил тебя пропасть
Если не вижу
не слышу тебя
не ожидаю ответ
не позволяю тобой
до безрассудства
увлечься
не глажу твою руку
не целую лицо
значит тебя нет
И мне так легче

Я когда-то читал
о теории
если чего-то
не чувствуешь
не знаешь о чём-то
то этого нет
сейчас
и не было
в истории
пустота
вымело
смерчем
я хочу верить этому
Мне так легче

Тебя нет
Я не знаю того
или тех
кто может сказать
другое
кто видит тебя
слышит
гладит руку
целует твое лицо
Я заставил
их тоже пропасть
или превратиться
в глухих
и в слепцов
значит их нет
во всяком случае
они не с тобою

Я уничтожил этот
городок
тёмное
холодное
мелкое море
шлифующее
песок
рестораны
сосны
воздух
нежность
извлеченную
у него
Я не знаю
что там теперь
значит там нет
ничего

Я уничтожил
то время
и его больше нет
Оно исчезло
вместе с тобою
с ним или с ними
городком
которого имя
пропало вкупе
с уже никаким
языком
Я делаю со временем
все что хочу
Оно моё
оно обволакивало
пьянящей
мглой
лишь потому
что в нем звучал голос
твой
Но он исчез
как и лес
в цвете
желтом
а вечером
в синем
и туда
не войти мне
не пролезть мне
Время ушло
вместе
с городом,
с морем
с тобою
с ним или с ними
Так легче

Но физик сказал
что время
это что-то
другое
оно должно
измеряться
изменяться
независимо
от меня
должно
быть описано
в четком
законе
вместе
с пространством
Может поэтому
оно ускорялось тогда
а я был за ним
в погоне
я пытался
его растянуть
не получалась
наверно не знал
по закону
единственный путь
не знал
уравнения
впрочем
я все равно
уже в другом
измерении

А там
время зависло
на окружности
черной дыры
или просто
пропало
и дыру эту
в памяти
по законам
природы
а скорее
какой-то
тягучей
игры
я копаю
копаю
копаю

Я заставил тебя пропасть
Тебя не найти нигде
ни в городе том у моря
ни в лесу
ни в заброшенной точке
пространства
и ни во времени
которое
то ли расширилось
то ли сжалось
или застыло
в тупом
постоянстве
или вовсе
не Было
ни с нами
ни с ним и ни с ними
и это не в радость
уже и не
в жалость

это уже не зависит
ни от чего
от меня или них
и даже
ни от него
здесь нету
причин и условий
я не могу не хочу
их найти

Категорический императив

Я заставил тебя пропасть
Этого не изменить
Я не вижу не слышу
и пытаюсь не помнить тебя
и безжалостно
память
калеча
продолжаю себе
говорить

Мне так легче

Январь 2024

Прогулка - 6

Ещё одна прогулка в череде
ничем не примечательных прогулок.
Один маршрут почти что каждый день:
привычная тропа под неизбежным дулом,

прикрытым серой пеной облаков,
остатков логики сухой защитой.
Но пистолет из памяти кусков
нацелен всё равно, пусть и слегка дрожит он.

Заряжен кадрами из старых дней,
где говорю не то и убегаю,
когда стоять бы надо, и смелей,
а фраза быть должна была совсем другая.

Потом ещё: неловкий странный жест
и робко-виноватая улыбка:
ответ на взгляд холодный, будто жечь;
растерянность в лице - еще одна ошибка.

И по-другому: взгляд жестяной мой;
жалел потом, сейчас опять вкатилось.
Когда сказать бы надо - был немой,
молчал с упорством - хоть и слово так просилось.

Немногое в защитной скорлупе
зарылось в землю и в тиши уснуло
на этой мною столь исхоженной тропе:
моменты, речи, лица - всё под тёмным дулом.

Спокойный, безразличный редкий лес
услужливо расставить помогает
всё новые мишени без завес,
и в память бьёт по ним, и точно попадает.

За темным дубом комната в огнях,
где я в углу с чуть отрешённым взглядом,
как если бы сейчас искал в корнях
причины: почему их мало - тех, кто рядом.

Их, кажется, так просто отыскать,
теперь, в лесу, столь явственны причины:
молчание иль слово; опоздать
иль не придти на встречу с головой повинной,

повесить трубку, номер не набрать,
зачем-то ждать потом звонка подспудно.
Но поменялись номера, и вспять
уже не повернуть. Совсем. Не просто трудно.

И будто прозвенел звонок иной,
прервав в кроссовках шага звук скрипящий,
ударил, чтоб напомнить: да, со мной
всё было в прошлом, но и как бы в настоящем.

... Фигура в ярко-красном вдалеке,
и снова в память хлопающий выстрел.
Не то, чтоб стало мокро на щеке,
а просто на секунду всё вокруг зависло.

И я застыл, остановив свой шаг,
как будто раненый иной фигурой,
и голосом её тогда в ушах,
и резонансом, повторённым лесом хмурым.

Застыл, представил сцену ещё раз
и вздрогнул, отрицая на мгновенье,
что всё случилось: разговор, отказ;
и замер на момент в печальном изумленьи.

Застыл, представив всё, но вроде бы
ожил, отбил удар, и шаг ускорил,
и, глядя вверх на птицу, позабыл
одну из множества нацеленных историй.

Но вот опять хлопок и вспышки свет,
история иная ... странно, с птицей
пришло собрание из дальних лет,
где громко выступал ... и было б чем гордиться.

Почти не верил в то, что говорил,
но верил в то, что говорить так надо:
очерчен путь по линиям перил
у лестницы, где сверху может ждать награда.

А впрочем, не обидел никого,
себя чуть-чуть - тогда так показалось;
полюстил чрезмерно - ну и что с того?
как это далеко, да и какая малость.

Чрез сорок - или больше - лет спустя,
из миллионов километров где-то
вдруг прилетело с птицею, хотя
и помнит вряд ли кто, а многих уж и нету.

... Приём какой-то, с музыкою зал,
в нем одиноко среди лиц беспечных;
усталым от движения глазам
кого-то хочется найти, пусть скоротечно

поговорить о чём-нибудь пустом,
чтоб просто одному не быть, наверно.
Спросил, возможно, и не так, и не о том -
ответили с усмешкою высокомерной.

Но вежливую колкость не нашел,
потом слова пришли на ум, конечно,
одел как будто на себя чехол,
ушел, ... казалось, так со мной бывает вечно.

Сейчас слова мелькнули те опять;
изобретенный голос мой холодный
пытался ту подавленность забрать.
И вновь пришло: как быть нельзя в чехле
свободным.

Какие вроде мелочи! - но бьют
и часто, и прицельно, и внезапно;
совсем нетрудно внутренний уют
нарушить им из времени иного залпом.

... Особенного нету ничего
ни в небесах, ни в соснах у тропинки,
во времени течения моего,
ни даже в телефона красочной картинке.

События, что были так давно,
- а многие и вовсе эпизоды -
должны забыться; кости домино
поблекнуть и стереться за былые годы.

... Но, может, это всё-таки тропа:
пусть и в лесу, но небесам открыта;
маршрут, к несчастью, видимо, совпал
со спутника, что шлет лучи, орбитой.

Летает, смотрит и внутри хранит
записанные цифрами моменты,
и шлёт, когда захочет, коды вниз,
и пуля поражает памяти фрагменты.

... Мне кто-то раньше мудро говорил:
Хорошее лишь вспоминаться будет.
И до тихонько вкравшейся поры
так всё и было. Не судил себя, и судей

старался внутрь не впускать к себе -
хоть были рядом, и не надо гуглить.
Не разрешал раздумий кочерге
тревожить в глубине мерцающие угли,

поспешно выгонял все, что могло,
затмить маяк успеха и комфорта.
Так было легче: собирать тепло
от факела в руке везения простёртой.

Так почему иное бьёт сейчас,
пусть тишина или ветра подули,
как будто кто-то придавил к плечам
магнит, что манит излучение и пули?

... Возможно, стоит поменять маршрут
на тот, что в поле, где людей немного;
там, может, больше выпадет минут,
когда вверху спокойно, а дорога

напомнит почему-то день в горах,
как заблудились, как шли наудачу,
и приключенья радость, а не страх,
и молодость, и виноград, и фляжку с чачей.

И это будет плавным, как в кино:
картинка гор входить в полей участки;
и мудрость, прозвучавшая давно,
окажется верна, пусть не всегда, но часто.

...А не получится - то хоть найти тропу,
где нет бывшего знаков и пророчеств -
а если и видны сквозь пустоту -
то очень смутно, далеко и как бы впрочем.

Гулять, надеясь что защищено
сознание - пусть не каской, пусть фуражкой,
забыть надеясь голос тот.

Но заодно

не вспомнить вид с горы и старенькую фляжку.

Март 2024

Запинка

запинка в речи
затихший голос
после
местоимения
перед глаголом
тишина
не знаю
зачем замолчал
продолжить как
и надо ли
и почему она

затянута пауза
перерыв
за нею
молчание
стена
по обе стороны
обрыв
жалею
что затих
но не продолжить
и почему она

Март 2024

Победители

Они побеждают,
они наступают,
они топчут жертвы,
и снова грозят.
И мозг от бессилия
вдаль улетает:
как быть же так может,
как мир стал горбат.

Они врут всё время,
то тонко, то грубо,
но бьют в те же точки,
и бьют без конца.
От этих ударов
раздавлены губы,
взрываются уши
и скачут сердца.

Ещё у кого-то,
точнее, у многих
от этих ударов
мозги набекрень.
Им слишком заумны
теории логик.
Теории веры:
что ночь - это день,

бандит - это жертва,
в убийстве есть правда,
земля эта - наша,
всегда и везде -
они принимают;
их разум отравлен,
и ходят послушно
в прозрачной узде.

Верёвок и нитей
своих же не видят -
ну, жмут иногда им,
впиваются в бок.
Лицо скрыто маской,
как-бы от ковида,
и всё по команде,
и выдох и вдох.

Другим эта ложь
и нужна очень мало:
они со своими,
хотелось всегда.
Насколько же легче
им праздновать стало
всё новые шеи,
что тянет узда.

Всех ненависть гложет
к богатым и умным,
живущим иначе,
не с теми, не так.
И с завистью смотрят
на вражеский рубль,
в кармане имея
истёртый пятак:

как нас унижают,
и в зал не пускают,
а держат на кухне
и в морду плюют.
А если и кормят -
гнилыми кусками,
вино же с икрою
вообще не дают.

Те, кто управляет,
и те, кто шагает,
и кто погоняет -
кричат про войну.
Святую, конечно,
со злыми врагами,
которые всюду.
И мир на кону.

Они убивают
под эти припевы,
в тумане абсурда
и в ливнях вранья.
И грудь разрывают
то справа, то слева,
и душат, как будто
в обхвате змея.

Туман накрывает
и тех, кто пока что
считает себя
не совсем со зверьми.
Но все же их жалко:
едят скудно - кашку,
а пьют - самогонку;
свербит: накорми.

Что гадят и грабят,
ну, и, убивают -
так это, наверно,
им жизнь тяжела.
Им так доставалось,
и всяко бывало.
Что нас ненавидят -
ну, ведь, не со зла.

Их все не любили,
давно угнетали,
земли не хватало,
всегда и сейчас.
Им надо дать землю
и щит из металла -
им, может, придётся
её защищать.

Им надо икру дать,
и комнату с видом
в отстроенном доме
своём предложить.
Как станем жить вместе -
забудут обиды,
поймут, что не нужно
стрелять, но любить.

Они соглашаются,
в доме воруют,
и требуют дать им
крупнее икры.
А комнату заняв,
глядят на другую,
без спросу меняют
в гостиной ковры.

Они побеждают.
И что же нам делать?
Всё меньше есть тех,
Кто на что-то готов.

... И красится снова
всё черное белым,
и черное лезет
за новый засов.

Март 2024

Утренний сон

I.

Заснуть на полчаса под утро
и оказаться в светлом дне,
где воздух цвета перламутра,
а неба нету в вышине.

Нормальным кажется, что нету -
как нет земли внизу совсем.
Он так естественен - весь этот
из светлой пустоты бассейн.

В нем плавать иль ногами просто
перебирать, вися в нигде,
и ни ребёнком и ни взрослым -
как славно начинать так день:

ни брошенным и ни любимым,
ни скромником, ни гордецом;
и ни дары и ни обиды
не вспомнить жестом и лицом.

И нет людей, и это тоже
приятно - видно, оттого,
что только там покой возможен,
где ничего и никого.

II.

Но непременно мир ударит,
покоя ранив пустоту,
сначала ковриком с кругами
и привкусом ночным во рту;

привычно-блеклыми следами
подтеков старых на стене,
картиной, что висит годами,
и темной шторой на окне.

Потом неловким шагом громким
(раздвинуть штору и назад)
и светом ярким, что соломки
заставит промелькнуть в глазах.

Металла лязгом, голосами:
всё режет ухо после сна,
неосторожностью касаний
к вещам, что комната полна.

Но постепенно боль утихнет,
и высохнет из сна бассейн,
и день похоже-светлый вспыхнет
снаружи этих бледных стен.

Похож, но не легки движенья,
а отблеск перламутра сник.
И неба в луже отраженье
внизу, и виден солнца блик.

Утяжелённая походка
привычно низко от земли,
привязан будто бы к лебёдке,
чьи обороты тяжелы.

И если двигаюсь куда-то,
то направление дано
приказом свыше, как солдату,
неважно, верно ли оно.

III.

Но, странно, так же в этом мире
не знаю, взрослый иль дитя,
всегда ли дважды два четыре,
что потерял, приобрета.

Не знаю, я любим иль брошен:
забыл как знаки различать,
как составлять кусок из крошек
и ставить на него печать.

Не знаю, стоит ли гордиться
тому, кем был и кем слышу,
что падал в мутную водицу,
но оставался на плаву.

Не знаю, уж такой ли скромник:
из строя всё же выходил,
и брёл не часто как паломник,
и молча в грудь себя не бил.

Тех помню смутно, что дарили,
несильно тех, кто обижал,
и благодарности остыли,
и выдернут обид кинжал.

IV.

Конечно, он в чертах отличен -
текущий день от дня, что в сне:
там мир в покое безразличен,
здесь безразличие во мне.

Там - ровен мир и обезличен,
там ясность - в светлой полутьме,
и мир покоя безграничен.
А здесь - границы есть - во мне.

Я там плыву, а здесь иду я,
бегом куда-нибудь спешу,
там тихо и ветра не дуют,
а здесь всегда какой-то шум.

V.

Но всё-таки они похожи -
сон утренний и мир вокруг:
легко представить, что здесь тоже
нет никого; ни враг, ни друг,

и ни прохожий с быстрым взглядом,
ни женщина с искрой в глазах -
никто не очутится рядом
хотя бы что-нибудь сказать.

Тогда, ведь - ничего и нету,
пейзажи без красот и драм.
Одну вчерашнюю газету
читать с конца назло годам.

Нет разницы, где мир представить -
во сне иль выйдя за порог:
там я в нигде, и здесь - местами,
там никакой, а здесь что смог?

VI.

А к вечеру - спокоен или колет воздух,
ущербна или желтизной полна луна -
брести домой, лечь рано - как тогда -
и поздно
проснуться ночью.
И ждать утреннего сна.

Апрель 2024

Триптих

Слева город, размыто-знакомый.

В центре лица за тонкой прозрачной стеной.

Справа дверь с прикрепленной подковой.

И не в трёх, а в одной светлой рамке резной.

Апрель 2024

Прощение

Свет наверху или серенький дождь;
завтра, в четверг, в воскресенье -
ко мне всё равно ты когда-то придёшь,
чтоб попросить прощения.

Жду на крыльце и боюсь - птиц галдёж
скроет шагов приближение:
наверное, тихо ко мне ты придёшь,
чтоб попросить прощения.

И телефон стал уже нехорош,
нет ни звонка, ни сообщения:
посмотришь, всё скажешь - когда ты придёшь,
чтоб попросить прощения.

Время от времени паники дрожь:
вроде, шаги в отдалении.
Отходит потом: всё идёшь ... и идёшь,
может, просить прощения.

Апрель 2024

Венеция

Встать рано утром,
когда ещё темно,
но не спится:

разница
во времени.

Выйти из гостиницы,

в расходящейся
темени

увидеть канал,

путь к нему
между стенами
бледных домов,

где упал

вечный вечер.

На улице,
у которой так близко
края,

тяжело было бы
разойтись,

но никто
не идёт
навстречу.

Это потом -
не пройти
ни столкнувшись,

нигде,

а сейчас
только кто-то вдали
крупной точкой бредёт

как и я -

будто тянет магнитом -

к воде.

Сине-грязной,
почему-то кажется,
что холодной,

почему-то кажется -
неглубокой;

грязноватые чайки,
что вечно голодны,

кричат
недовольно:

свидетели
прошлого,

голода,
праздненства
и порока.

Так и было всегда:

дуги в красных оборках -
мосты,

то зажатые,
то будто реки -
каналы,

купола
безупречных соборов
с особыми знаками,

дворцы
со скульптурами,
чуть приоткрывшими
рты,

и фасады домов -
которые то обветшалы,

то модно
накрашены.

Впрочем, их старость
внутри одинакова,

и за новой краскою

те же духи и запахи
что обитали
веками там раньше, но

люди другие

на улицах,
в темных гондолах
ходили,
гребли,
дрались
и любили.

... А свет атакует,
пока что с ним взводы,
но скоро придут
полки и бригады,
идушие строем
иль врассыпную;
и разных народов
мешается с говором говор,
а цель всё одна:
захватить
эту воду,
каналы,
гондолы,
дворцы,
и дома,
с ними запахи, духи -
весь город.

... Что ж, быстрее дойти,
постоять на мосту,
опустив взгляд на воду,
на улицы в стороны,
где ещё не узреть суету;
на уже разноцветные,
пусть чуть мутные,
но еще не прикрытые
морем людей,
пробуждения ждущие
здания.

На мосту постоять,
бормоча про себя

почему-то:

вот и, кажется,
выполнил,

что мне было предписано

в жизни,

задание.

Май 2024

Наполовину

Решил - но невнятно, а наполовину,
как водою вино развести:
никто не пришёл хоть с какой-то повинной,
да и некому было придти;

решил - брешь пробить в заведённом порядке,
если что - чуть назад отгрести:
ни голосом твёрдым, ни робко, украдкой,
не промолвит никто: "Ах, прости."

Ушёл - и колышется дверь, приоткрыта,
как без рифмы болтается стих,
но кажутся слишком малы габариты,
чтоб назад с кем-то вместе впустить.

Май 2024

Savannah, Georgia

Испанский
мох -

растение,
что совсем
и не из Испании,

и вовсе не мох -
рассыпал в огромных
деревьях
неяркие гроздья;

и некою хитростью
смог

уютно пристроится в них,
будто бы на кровати
в зашторенной
спальне.

Деревья от этого
кажутся много
древнее,

были будто бы
возле

забытых селений
посажены.

А сейчас
им намного
грустнее -

или только так
кажется.

Их кронами нежно
прикрытое небо
всё же светится

в причудливых формах
синих проёмов,

которые,
как и деревья,
и ветки их,

и дома по
бокам
разноцветные

в драматичных
надломах -

тоже часть
прошлой жизни
и позапрошлого века.

Оттуда же
площади-парки

со скамейками
ветхими:

то ли влюблённым,
то ли бездомным
подарки.

Когда-то всё это, наверное,
было так близко
к вечности.

Ушедшая медленно жизнь.

И время ушедшее.

Май 2024

Портрет - 6

Стоящий на краю обрыва из песка,
или на каменной скале
над морем,

или дошедший до конца пути,
где впереди сплошное поле
без дорог:

он кажется достиг всего,
чего хотел, пришел туда, куда
себе позволил,

или куда вели другие
(и не противился -
да вряд ли бы и смог).

Пытаясь голову прочистить,
смотрит вдаль -
но будто бы закрытыми глазами,

не ожидая впереди найти
сигналы жертв, сражений,
почестей, наград.

Так, замерев у края,
всё стоит - минутами, потом
неделями, годами,

не совершая лёгкий шаг вперёд - в ничто;
не возвращаясь в никуда -
назад.

Май 2024

Из камня ...

Из камня большие надолбы,
через них не пройти ... отбой.
А, впрочем, и так уже надо ли -
куда мы идём с тобой?

Вернуться в начало истории? -
не будет, увы, другой.
Наморщили лбы - а стоит ли -
куда мы идём с тобой?

Хоть блекли цвета на знамени,
и белый, и голубой,
несли, будто точно знали мы
зачем нам оно с тобой.

Застыли, глаза отведены:
туманит вопроса боль.
Ничем не отгонишь ведь его:
куда мы пришли с тобой?

Май 2024

Не заходи за черту ...

Не заходи за черту на тропе -
стоп.
Пусть и за нею дорожка тебя манит
в лес:
эта одна из коварных таких
троп,
что исчезает внезапно; и с нею
исчез,

не понимая, где выход, и где
вход,
и почему не колышется сквозь ветки
свет;
было минуту назад светло -
и вот -
нет ничего впереди, также и сзади
нет.

Хуже всего - что не проверить
уже,
что же там все-таки было, и что есть
теперь:
будто бы в лифте застрял на чужом
этаже;
вверх не идет, а внизу не откроется
дверь.

Не заходи за черту, а вспомни
знак -
чтоб это ни было: тихое слово
иль взгляд.
Что идти надо только вперед -
не так.
Остановись у черты и поверни
назад.

Май 2024

Дождь

Тихий дождь, почти неслышный;
если не глядеть в окно -
не узнать, что дождь ... там лишний:
за окном всё решено.

Там спокойствие прошито
нитьями белесых струй,
но нужна плаща защита -
хоть купи, хоть уворуй.

Не добыть мне плащ, я знаю:
было шансов уж полно.
... Капель звук не проникает
и зашторено окно.

Июнь 2024

Вряд ли изменится ...

Вряд ли изменится птиц полифония,
вряд ли тональности станут иными:
вечные песни свободы и воли, и
вечные звуки, что были доньше.

Вряд ли еще станет воздух прозрачнее:
брезжит итак сквозь него бесконечность -
там был я раньше уже, и не раз еще
буду, как будто бинокль нашедший.

Вряд ли всё это когда-то изменится:
как в голограмме в огромном музее
мелочь нарушить никто не осмелится;
если попробует - вряд ли сумеет.

Разве что щелкнет внутри замыкание,
вспыхнет внезапно, скорей всего, ночью;
от проводов оголённых касания
станет мгновенно музей обесточен.

Ну, а потом, ток изменит движение
и потечет чуть уныло обратно,
сменится в песнях покой раздражением -
что было вечного в них - непонятно.

Новое вечное: в нотах волнение,
в партиях птиц резкий звук диссонансов,
звук переходов: от небыли к небыли,
от нежной сказки - и в антипространство.

Воздух плотнее, темнее окажется,
и горизонт серым перед глазами,
скрытой тревогою колющий, так же как
света мерцанье в покинутом зале.

Всё ж как легко поменять экспозицию,
лазерный луч перевести в голограмме;
сделает что-то он с давними лицами:
были всегда - и вот больше не с нами.

Как, почему, кто посмел переставить всё -
лица и птиц, замутить светлый воздух?
От сожаленья, неверья, от зависти,
от пониманья, что было всё поздно?

Вряд ли теперь все обратно изменится:
вольные песни и взгляд в бесконечность.
Видно, надолго вокруг затемнение
и пустота после ночи ушедшей.

Июнь 2024

Предпочтения

Никто не обязан часами
слушать
Стравинского
или *Бернштейна*
пока вконец не устанут
поникшие красные
уши
от в музыке скрытой
тайны.

Или *Штраусов*,
ну каких-то там
то ли *Йоганна*
то ли *Рихарда*.

Или (на худой конец)
Чайковского
(*Петра Ильича*)
от гордости
как на параде
чуть не крича.

Разве хуже те кто

голодают
чтоб попасть на концерт
Тэйлор Свифт
или красят волосы синим
всласть
получают двойки
по пению
выводя
из терпения
целый класс
бормоча слова
без усилий
походить чтоб на
Эйлиш (Билли).

Или музыкой
лучшей считают
прости господи рэп

но им хорошо,
научились ругаться как следует
и никто не оглох
не ослеп.

Не обязательно прочитать

обладателей премий
литературных
ну разве что *Дилана (Боба)*
большинство остальных
бесконечно
культурных
сочиняют
скорей для себя
и особо
для членов
комитетов по премиям
будто бы бьют
их по темени
после чего
наградишь что угодно
или угодно
кого.

Некоторые правда пишут
про мир и войну
внутри и снаружи
так что хочется думать
но это и хуже
раздумья к хорошему
не приводят
слышал от них даже
портятся зубы
вроде.

Разве неправы те кто

читает *Кинга*
(*Стивена*)
Малую землю
Возрождение
с *Целиной*
(не припомню автора
имени
но оно глубоко в душе
и всегда
со мной).

Или лежат на пляже
закрыв лицо от солнца
книгой
о самопомощи.

Или вот что ещё
запираются в ванной
перечитать
Пятьдесят оттенков серого
где доброе вечное густо
посеяно.

Никто не обязан считать
что круто красиво
смотреть фильмы
Куросавы (Акиро)
Антониони
Феллини и
Пазолини
Михалкова
(поди угадай
какого)
еще *Бертолуччи*.

Разве они лучше

всех тех кто
смотрит *Барби*
Человеков и *Пауков*
Невозможные миссии
как бы в запое
или в ремиссии.

Или тех кто
лежит на пляже
закрыв лицо телефоном
от солнечных токов
в тысячу вольт
и глядя в экран
волнуется
а выживет ли
Шварценеггер (Арнольд).

Иль запираются в ванной
пересмотреть
Пятьдесят оттенков серого
чтоб пережить
ещё раз
провидением данную
тонкость актеров игры
душою ли телом ли.

Никто не обязан
ходить кругами возле
скульптур *Джакометти*
и лицезреть их
каждый раз
с новой точки
вдруг видимость
лучше
и восхищаться
хотя может быть
не вполне
и пристало
тем сколько стоят
в валюте
эти вдаль ходки
из металла.

Или направить
бинокль
куда-то к *Джоконде*
в *Лувре* и видеть
слегка повернутый
профиль
дамы из атакующей
агит-бригады
во главе
с командиром-гидом
и вдохновлённым быть
этим видом
и думать
а может так вот и надо.

Или ночью зайти в музей
на постой
в зал где
Красной квадрат
Малевича
вроде как и простой
но это не так.
В темноте ночами
душой
не глазами
осмыслить его
много легче чем
длинными днями
в подсвеченном зале.

Разве хуже те

кто смотрит в парке
на как бы живое
скульптуры
весло
у *Девушки с (этим) веслом*
и счастлив что девушку
всё же не встретил
ох пронесло.

Или кто смотрит на
Утро в сосновом лесу
на обёртке
конфетной
предвкушая глотанье
медведей
и леса.

Или на черепа
Верещагина
на коробкЕ
сигаретном
от которых
слащавые
мысли приходят
ну всё это
к бесу.

Иль (на худой конец)
на мириады
фрагментов
Серебряковой шедевра
Баня
всё время
новое в нём открывая
переживая экстаза
моменты
и радуясь что
картину пока надзор
не забанил.

Никто не обязан читать

эти стихи
(так называемые)
тем более их учить наизусть
так поступать и вовсе
не призываю я.

Разве хуже те

кто читает *Пушкина*
или того будет пуще же
Маяковского
(*Владимира*
кстати
Владимировича)
с его пресловутым
Облаком
(в каких-то ещё *Штанах*)
других таких
попробуй-ка
найди ещё
невзирая на то
что оба
были с низким
моральным
обликом.

Но призову в заключение
к

Разнообразию
Равенству
и
Включению

в
Учёбе
Труде
и
Влечениях.

Июль 2024

Сторожевая будка

I

Сторожевая будка у ворот.
Без стражников, пустая.
Сбежали, видимо, давно
и всё с собою унесли.
Ворота приоткрыты - заходи любой;
там, за вратами,
возможно, город, что искали мы,
возможно, что нашли.

Прямая улица, в конце тупик;
не очень много солнца,
не очень много зелени, цветов,
и нет людей совсем.
Собака вдалеке кругами бродит,
будто бы пасётся,
на красном доме в стороне -
часы - и стрелки в позе "семь."

Часы остановились - а когда:
три дня назад иль года -
понять нельзя, да и зачем:
то время, что не нужно, увели,
а сохранилось только то,
что стрелок посреди развода:
возможно - время, что искали мы,
возможно, что нашли.

Фасад у дома явно староват
и просит свежей краски,
в проеме, где часы, осталось
круглое гнездо от птиц,
и что-то в этом доме есть от старой
страшноватой сказки:
там, кажется, полно внутри
волшебных комнат и темниц.

Полу-открылась дверь -
и сразу наши отражения сбоку
видны в огромном зеркале,
которое и есть стена;
а полностью когда вошли,
то будто рубануло током:
повсюду только мы
и зеркала, ни одного окна.

Захлопнулась за нами сразу дверь,
заключены в пространстве,
где миллионы нас
и больше ничего и никого.
Застыли, замерли, глаза закрыли,
оказались в трансе:
вот это ли искали мы,
и есть ли выход из него?

Глаза открыли, всё ж надеясь,
что ответ и пониманье
найдутся в этих миллионах
разных, но похожих лиц -
то близко, то вдали,
то нами будучи, а то не нами,
то маленьким овалом, а то глазом
с прутьями ресниц.

Их - наши - выражения
преображаются моментом:
в решимости, в отчаянии,
в надежде, и совсем не в чём
их видно; все и всюду: справа,
слева, и вверху заметны,
и даже на полу - везде,
как стаи деловитых пчёл.

Любой расчет на выбор за дверьми -
в записке написали;
всего осталось столько позади,
и близко, и вдали.
С кем рассчитаться в город шли - и с чем -
мы в точности не знали.
Себя в различных обликах -
вот это все, что мы нашли.

Наверно, ипостась - одну из многих,
но, одну - искали,
свою - когда б её найти, то легче
стало б, может быть,
прощения просить или простить -
с улыбкой, но в печали,
и вспомнить, наконец, о чём всегда боялись -
и забыть.

В каком же из зеркал, в какой проекции,
и рядом с кем же
вот это характерное лицо
и просветлённый взгляд?
Мелькают и меняются черты
метелью; в вихре снежном
кружится всё: и голова, и мысли в ней.
И нет пути назад.

IV

На зеркале внизу вдруг
обозначился прямоугольник:
похоже, дверь, но и не та,
через которую вошли.
Вот шанс печально протрезветь,
побыв в забытии алкогольном,
уйти из комнаты, поняв,
что ничего в ней не нашли.

Толкнули - точно, дверь. Кругом -
как на знакомом фото вроде:
на улице пустынно,
серо, и недобро в небесах.
И снова нету никого,
и только пес все так же бродит,
и красноватый дом,
и та же поза стрелок на часах.

Что ж мы нашли за будкой у ворот?
Наверно, это время,
наверно, дом, записку, комнату;
и повезло с ключом.
Возможно, в этот город шли
подбить итог со всем и всеми.
Но комната и зеркала -
о ком то было и о чем?

... Сторожевая будка у ворот -
естественно, пустая,
скамья прибита к полу, будто в
многовековой пыли.
Блеснуло: ведь, возможно,
эту будку всё же и искали.
И можно выдохнуть:
теперь уж точно мы её нашли.

Остались в будке, стёрли пыль,
зажгли огонь, подбили мебель.
Решили охранять - часы, и комнату,
себя в тех зеркалах.
... По вечерам, усевшись у огня,
глядя на звезды в небе,
гадаем: от кого ж хранить?
... и стынет медленно зола.

Июль 2024

Песни

Хватать уходящие песни,
сначала цепляясь за ноты,
висящие в воздухе - здесь ли,
на старом с гитарою фото,

едва различимые или
в аккордах на скромном концерте,
терпевших и годы и мили
нервущейся тонкою цепью.

Потом уцепившись за тексты,
хотя б за отдельные строки,
и, кажется, чаще за те, что
писать было больше мороки -

в тетрадах, почти что истлевших,
чернилами, словно без цвета,
но всё же пропасть не успевших,
как школьная та стенгазета.

Затем голоса, рядом вроде,
забытые... но вот так близко;
пусть путали ноты мелодий -
но лучше любого артиста.

Цепляясь за звуки и лица -
конечно же, лица остались -
в моменте, что редко, но снится ...
не знаю, вот, что с ними стало.

Не знаю, звучат голоса их
еще где-то там или смолкли;
лицо попытаюсь представить -
и звуком кольнёт, как иглой.

И это лицо ... в чьём владении
теперь оно - тоже не знаю,
и стало ли прежнего тенью
от песен былых убегая.

Вот ноты - они неизменны,
и строчки - те вплавлены в память ...
и легче понять всему цену,
за старые песни хватаясь.

Август 2024

Пробоина

Две рядом в стене пробоины -
недавних снарядов след.
Стреляли в меня обоими.
Пока не попали, нет.

Успел убежать и спрятаться,
заслышав свистящий звук.
Сегодня четверг, не пятница -
обычно не больше двух.

Недели в конце опаснее,
а в праздник - страшней ещё:
так просто тогда попасть им и
бить в сердце, а не в плечо.

Стена в дырах вся, качается;
заделывать нету сил.
Просил мне помочь в отчаяньи -
но, видно, не тех просил.

Просил мира, хоть какого бы,
улыбку, любой пустяк;
мезузами и подковами
обвешал дверной косяк.

Но так же удары хлопают,
им весело за стеной.
... Цемент собираю крохами -
для новой, еще одной.

Август 2024

Руки

Рукам твоим не хватает нежности,
рукам твоим не хватает лёгкости.
Изучили законы прилежности;
не дались ласки правила вовсе им.

Словам твоим не хватает ясности;
бывают, всё же, в меня нацелены.
Знаешь надо бы Что сказать, Как спасти -
но вот только укоры пристрелены.

С другими - знаю - помнила правила,
часто их применяла на практике.
Тебя здорово это забавило,
но потом улеглось ... эти кастинги ...

Теперь руки твои чаще мёрзнут, и
чуть флиртуя, ко мне тянешь, чтобы согреть их;
вряд ли нежными станут - не поздно ли? -
и мне это - увы - во-вторых или в-третьих.

Октябрь 2024

Уже нечасто звоню друзьям ...

Уже нечасто звоню друзьям. Не хочется.
Хотя иногда что-то вдруг наплывает.
Мне тоже почти не звонят - но не корчусь я.
Раньше думал, что так быть не может. Бывает.

Всё больше по лесу гуляю: ведь в городе
могу с кем то давним столкнуться случайно.
Подальше держусь - не от страха иль гордости:
я покинул чужие квартиры. С вещами.

И редко, без красок, о бывших задумаюсь.
Красивые ... правда. Жаль, их было мало.
Казалось, без каждой жить буду под дулом я,
и вот-вот громыхнёт из ружья. Не стреляло.

Пытаюсь понять - и куда ж занесло меня ...
Ещё - почему: предписанием судеб?
Вроде знаю теперь, Что пропало иль сломано.
Починить нету сил только вовсе. Не будет.

12 Октября 2024 (Йом Киппур)

Рига

В Домском соборе, заполненном Бахом,
у тебя на лице слёзы капали медленно.
Может, в прошлом была, среди вернувшихся
страхов,
или в будущем смутные горести мерила.

Музыки строй разноцветных моментов
и аккордов приказы глаза твои трогали.
То, что рядом сидел - тебе было так мелко;
что ж, смотреть на тебя уже больше не пробовал.

После на улицах, мрачных и узких,
вниз на камни глядела, чуть видные, влажные.
“А куда мы идём?” - с неожиданным чувством
вдруг спросила. “Уже - я ответил - неважно ...” и

сорок лет прошло.

Октябрь 2024

Ниточка

Держится всё на ниточке:
тонкая, но многослойная,
вроде как и невидима -
всё ж, несомненно, есть.

Множество раз закручена,
длинная, но и упругая;
раньше казалась крепкою,
стала дрожать сейчас.

Может, на крюк надетая,
или меж пальцев зажатая -
тонких, но всё решающих
где-то сверху про нас.

Сколько было нанизано,
сколько держала родных людей,
вместе, рядом, вцепившихся
в крепкую раньше нить!

Меньше их всё становится
и узелков, где события,
ждали которых с надеждою:
распрямляется нить.

Всё тяжелей держаться нам:
ведь уцепиться и не за что;
тоньше ещё становится,
ветер треплет её.

Может быть кто-то сжалится:
медленно нитку подтянет вверх
или вплетёт запасный слой,
чтоб не оборвалась.

Взгляд заострить попробуем,
силы найдём крепче сжать её.
Только вот не уверены,
сколько так сможем ждать.

Октябрь 2024

Неотражённый ...

неотражённый чей-то взгляд:

гордыня,
страх,
упрямство,
бегство;

зов - много лет -
смотреть назад

и видеть вновь его -
в отместку.

Ноябрь 2024

Усталость

Усталость от повторения
усилий и результата ...
Один вроде курс у времени -
откуда-то и куда-то.

Оттуда - где ламп мерцание,
тревоги красные точки,
туда - где есть знак восклицания;
в дороге - ряды многоточий.

Один задан курс у времени,
но катит оно по кругу:
вращается повторение
несказанного друг другу.

Усталость от повторения
сигналов и неких знаков,
всё те же обманы зрения
усилены полумраком.

Неведом закон творения,
сокрыты высшие цели ...
Усталость от повторения
дорог, что пройти хотели.

Развилки едва меняются,
на стрелках надписи смыты,
и снова придётся каяться,
изведавши вдоволь мытарств.

Усталость от повторения
маршруты заполнившей драмы,
минует опять озарение:
налево свернуть - или прямо.

Не видно пророков, пастырей,
их нет: может, плохо искали.
Лишь раны заклеить пластырем -
вот всё, что осталось ... устали.

Усталость от повторения
придуманных кем-то истин,
хватает пока терпения
но стало теряться быстро.

Читаем стихотворения -
избитые бродят рифмы.
Усталость от повторения:
себя утешать? корить ли?

Открыть кому-то стараемся
секрет, что давно известен:
в итоге стоит знак равенства
у прошлых и новых песен.

Усталость от повторения
усилий и результата.
Понятен был курс у времени -
и вот ведь свернуло куда-то ...

Ноябрь 2024

Необъяснимый сон

Необъяснимый сон -
с людьми,
которых и не видел,
и не слышал
уже десятки
лет,
и, кажется,
забыл.

И не было причины вспоминать:
пути не могут пересечься,
нет;
обида потускнела,
сожаление прошло,
а извиняться
слишком поздно ...
ну, разве что,
продумывать исходы:
если бы.

Вот “хорошо-что-не-случилось” Если -
таких, конечно,
большинство,
“несбывшиеся-ну-и-ладно”
близки к ним:

всё к лучшему,
приставленное
“бы”
не изменило б
ничего,
и клады не открылись,
и не разверзлись небеса.
И можно радоваться
случаю,
далёк который
от повеления
судьбы.

“Как-жалко-что-поделать” Если:
повиноваться шансу,
что ушёл -
совсем не получилось,
по своей вине.

А, ведь, другое -
неизвестное,
но лучшее,
светилось впереди,
в каком-то
ясно видимом
окне,
где мягких линий силуэт,
улыбка
на лице,
когда фигура повернётся -
но затуманились очки.
Как жалко,
что совсем другое в окнах;
едва ли подойти,
едва ли различить,
в конце.

“Я-знал-что-не-могло-случится” Если:
там шанса не было совсем,
там не было и окон,
чтоб хоть чуть смотреть,
подглядывать, пускай,
за тем, что быть
могло
реальностью.

Картина,
что сознание
создало,
усугубляла тяжесть
от потерь того,
что не было,
но что нельзя
стереть
из памяти -

пускай, казалось,
и прошелся
ластиком,
и что-то рисовал поверх -
опять возникла
в странном сне,
как будто
дверь открыли
и достали
из запасников.

И вот приходят люди эти
со своими “если”
в нелепый сон
и по отдельности, и группой,
вместе,
в глаза мне смотрят
и с собой зовут -
назад -
всё больше те,
которые
“как хорошо-что-не-случилось”,
ещё “несбывшиеся-ладно”.

Я соглашаюсь быстро,
я и рад:
ведь всё получится, конечно,
складно,
легко как будет с ними,
пришедшими
из ниоткуда,
красивыми
и умными;
да и добром, наверное,
накачаны.
Как повезло -
почти что чудо -
что с ними я.

И неужели
были
так незначимы?

А те, которые мне
шанса не давали -
те где-то
в стороне,
но греют
взглядом
глубиной в сорок лет;
и что-то явно изменилось
в этой глубине.

И я к ним двигаюсь:
что ж, оказались
рядом;
иду неспешно и легко:
как поменялись
шансы -
вот, наконец,
увиделись -
точней, они меня
увидели -
таким же, как и был,
не лучше и не хуже,
возможно, что услышали
романсы,
что пел - хоть только
для себя -
и будто стали
в строй распахнутых
сердец.

А я спокоен,
я иду на станцию,
на поезд,
хоть не знаю
куда поеду
и ещё не знаю с кем;
и говорю какие-то
незначимые
фразы,
не удивляясь никому
и никого
не удивляя.

Те, кто вокруг меня,
из “если”
разных,
они меня мгновенно узнают,
не говорят “А это ты ...
а разве?...”

Я видел ясно их
как будто бы вчера:
друзей,
врагов,
любимых,
знакомых,
просто никаких;
красавиц, что меня
не знали,
и знать, конечно,
не хотели,
но думал я тогда,
что знаю их -
до самых мыслей
потайных,
до каждой родинки
на теле.

Во сне они примерно одинаковы,
пускай из разных “если”;
в несбывшемся
вчерашнем
уже неважно,
кем раньше
были для меня,
соединяли нас ли
провода,
бежал ли ток
по ним.
Как будто разом,
в беспорядке, все,
сбежали из
раскрывшей двери
башни.

Хоть в самолёте улетал
когда -
о, как давно -
летел с другими;
немного
было их со мною,
горсть совсем.
Мы пели
песни,
в унисон,
тогда, да и потом,
без если;
а вот сейчас -
необъяснимый
этот сон.

Где нету почему-то их,
а собрались
такие дружелюбные
другие -
из разных мест,
времен,
и разной близости -
иль дальности -
душевной,
пропал к которым
интерес
однажды, раньше
или позже,
иль вовсе не был -
даже однодневным.

Необъяснимый сон
с полузабытыми
людьми ...
Иду на поезд.
Еду ли один?
а может, в путь собрался
вместе с ними я?

Куда поеду -
зашифровано:
попробуй-ка
пойми ...
а впрочем, явь -
та разве
объяснимая?

И утром,
выползая медленно
из сна,
тянусь за телефоном,
с мутным взглядом
ранним
почти забытые
вбиваю в поиск
имена
и изучаю долго
результаты
на экране.

Ноябрь 2024

Сутки

Утром постель не заправлена,
смято бельё и разбросано:
снова живу не по правилам,
не задаваясь вопросами.

Бегаю днём как затравленный,
скомкан листок с расписанием:
снова живу не по правилам,
с двойкой по чистописанию.

Вечером - стулья корявые,
нет за столом с кем быть хочется:
снова живу не по правилам,
ужин ведя в одиночестве.

Ночью же - схватка неравная,
тигром бессонница бросится:
время признать, что есть правила,
и задаваться вопросами.

Декабрь 2024

Разбросанные дни

Разбросанные в беспорядке дни,
с почти истёртыми седыми ярлыками,
в шкафу лежат бесхозные, одни;
давно не гладил взглядом их, не грел руками.

И хочется - и страшно - шкаф открыть,
их перебрать, почистить, разложить по полкам,
и надписи на ярлыках сменить
или пришить другие новую иголкой.

И написать о тех оживших днях,
заправив черные - иль красные - чернила,
хоть что-то, наконец, о них поняв ...
Перо в руке, а может, в памяти застыло.

Январь 2025

Исчезает вся прелесть ...

Исчезает вся прелесть незнания,
и беспечность крутых разворотов,
и погоня за чьим-то вниманием,
и бездумный побег от кого-то.

Что узнал - пусть немного - разложено
и не сможет меняться местами.
Жизнь, конечно, - искусство возможного,
а возможного больше не стало.

Замыкаются тропы в окружности,
и ходить по ним стало работой:
как погоня за собственной нужностью,
как неспешный побег от чего-то.

Февраль 2025

Менует

(версия 2023 стихотворения “И опять ...”)

Что концы свяжет вместе?
Кто придёт дать ответ
и - гармоний предвестник -
заведёт менуэт?

В том извилистом танце,
что как будто игра,
будет легче расстаться
с тем, что было вчера.

И не будет сегодня
танец с музыкой врозь;
будто чуткая сводня
скрипка слушает сквозь

звуки робких движений,
ловит, где унисон,
и, возможно, поженит
мир, что здесь, с тем, что сон.

Март 2025

Все разойдитесь ...

“Все разойдитесь и место очистите.” -
я будто кошка, оскаливши рот,
им говорю, вспоминая Учителя,
кто звал к смирению; наоборот

делаю всё - и надеюсь на лучшее:
может, без них станет радостней мне.
Слушать советы от случая к случаю
и исполнять кое как, не вполне -

новое кредо; забыть про почтительность,
всё говорить напрямик, как то есть.
Пусть мне пеняют что предал Учителя -
не предавал: он вдали, а я здесь.

Буду один, на своей территории,
где, может, пусто, но легче дышать,
где нету лиц, было трудно с которыми -
хоть нет и тех, было с кем что терять.

Если и станет на время мучительно -
взгляд утешенье найдёт в пустоте.
Смутный там образ, похож на Учителя;
но не уверен, черты ли в нем те.

Март 2025

Иная жизнь

Увидимся как-нибудь в жизни иной
и счастливы будем - как раньше не были,
и счастье придёт не горячей волной,
а будет спокойным и ровным в том мире -

где есть города, но в них нету людей,
а только зелёные парки и пляжи,
где звуки тихи, и безоблачен день,
и слышится нежность в словах, что мы скажем.

А если и нет - исчезают слова,
и память о них заполняется светом,
в котором чуть пьяно плывёт голова:
конечно же, были они ... не об этом.

Там нету людей, не с кем там говорить
и возвращать откровенные взгляды.
Глаза будут в светлую даль уводить
иль только смотреть друг на друга. И рядом

идти будем в парке, у тихой реки
по узкой, немного заросшей дороге.
А если развилки - решенья легки:
не в разные стороны двинутся ноги.

Увидимся где-нибудь. В жизни иной?
Пока же - прощай. Как одну из реликвий
я в ящик запру всё, что было с тобой,
и книги раскрою индийских религий.

Март 2025

День кота Люхи

Меня уж давно не страшит летний гром,
как, впрочем, и звук пылесоса.
Мне запросто в комнате сделать погром
и быстро сбежать из-под носа.

Ласкаться потом и тереться у ног,
урчать, быть довольным собою,
заглядывать нежно в глаза, чтоб не смог
забыть дать тарелку с едой.

Ах, как сладко пахнет добычей еда,
ах, как расслабляются нервы.
Конечно же, съесть, никому не отдать
всю банку (за доллар) консервов.

Потом отдохнуть - благо, много есть мест,
где и мрак и комфорт обеспечен:
труба, куда очень удобно залезть,
гамак - в нем покой будто вечен.

Но, вскоре - желание место сменить:
залезть на тряпичную рыбу;
при этом загадочно-жалобно выть,
как будто от боли ушиба.

Есть в этом один любопытный нюанс:
присесть в раскоряченной позе
и быстро качаться - и это не транс,
но аст ...ну, тот самый ... ну, вроде.

А летом, успев только завтрак доесть,
во двор с нетерпением стремиться:
пускай быть на привязи, но там ведь есть
и белки, и мыши и птицы.

Раздолье разлито для жизни иной:
трава, тёмный куст под забором,
деревья с морщинистой тёмной корой,
карабкаться кайф по которым.

Хотя, к сожалению, часто дела
идут с отклонением от плана:
то привязь запуталась и подвела,
то птица взлетела неожиданно.

А с белками - с теми и вовсе конфуз,
не сильно меня и боятся.
Но я, как известно всем, тоже не трус.
Вот, только, как с ними общаться

понять тяжело. Хоть гоняться могу -
беда - убегают мгновенно,
а если застынут - то что-то в мозгу
мешает мне вырвать им вены.

Смотрю им с презрением прямо в глаза -
они наглый взгляд не отводят.
Увы, отхожу - хоть и жаль донельзя:
вот так с ними время проходит.

С другими же грозен и неустрашим:
скворцам не прощаю ошибок,
на шею кидаюсь малым и большим -
уже не взлетят они, либо,

бывает, что - великодушьем ведом -
их брошу, с пропавшим задором.
А вместо - снаружи исследую дом
иль спать примощусь под забором.

Вот, кстати, заборы - они хороши
для разных и важных занятий:
залезть и узнать, что сосед всё ж решил
с цветами, и, может, примять их?

Да, надо бы спрыгнуть и в них походить,
пока поводок позволяет,
получится - воду из вазы разлить;
в ногах нетерпенье стреляет.

Однако хозяйка уже начеку,
не любит моих приключений:
как только завидит меня наверху,
бежит ко мне в то же мгновенье.

Конечно же, этим я так возмущен,
и когти и зубы готовлю,
шиплю негодуяще, страшен мой тон ...
а, впрочем, начну ка торговлю:

Коль запах почую любимой еды -
уж ладно, забуду обиду,
запреты заборов, стесненье узды:
попранье свобод индивида.

И точно - выносят филе индюка
и ласково смотрят в глаза мне.
Вот как надо с ними: построже, вот как -
чтоб жизнь мёдом им не казалась.

И всё ж во дворе надо бдительным быть:
хоть редко - бывают вторженья
враждебных котов. Их безжалостно бить
мгновенно приходит решенье.

Кидаюсь, рву вражеский рот, невменя -
ем и крики вокруг изрыгая,
и кошка постыдно бежит от меня,
не смеет зайти и другая.

Теперь уже редко отважится кто
придти злонамеренно в гости:
моя репутация среди котов -
смесь чести, отваги и злости.

Ну что ж, пора в дом, где диван приютит,
там тоже законное место.
Затем же - к окну, наблюдение вести
за всем и везде, повсеместно.

Но, вот темнота, и подходит к концу
день, полный успешных дерзаний.
И в комнату гордо иду как к венцу
моих славных дел и желаний.

Ведь комната эта - давно уж моя,
продумано всё, и подробно:
диван, где накидка в цветах, чьи края
хватать и царапать удобно,

обилие всякой пикантной еды,
специальной, моей, не собачьей,
а также лоханка для разной нужды
и домик уютный висячий.

Вот в нем, вероятно - спокоен и рад,
устроюсь как в царской карете,
чтоб утром, как только мне дверь отворят,
день новый с надеждами встретить.

Март 2025

Мир позабыл ...

Мир позабыл про день рожденья мой,
он обо мне вообще не хочет помнить
и только знаками играет, как немой,
который говорит по-своему: “Ну, полно,

считать, что здесь присутствие твоё
в день этот и в другие что-то значит”.
Уходят от тебя, едва сказав “Адъё”;
те, кто пока с тобой, - уже глядят иначе.

Везде есть знаки - даже в летнем дне;
в нём почему-то - серость с тишиною.
И блекнет зимний вид в мутнеющем окне,
преломленный не столь прозрачною слезою.

Мир позабыл так много обо мне:
что ж, редко были на себя похожи
проекции мои - там, на его стене ...
А, впрочем, я о нем всё меньше помню тоже.

Март 2025

Портрет - 7

Резкое лицо,
очень четкий
профиль -
нравился многим,
наверное.
Хриплый голос:
вроде,
всё по фиг,
особенно, после
бутылки вермута.

Глядела вокруг и
кого-то выбрала.
И он ее:
всегда были
близки.
Приятно им было,
видимо,
ловить друг от друга
летающие искры.

Хорошо быть вдвоём,
а ещё и с компанией:
так легко
никого не смущаться.
Спелый юг,
и ночные купания,
и яркие искры,
от многих,
всё чаще.

Их ловили глаза,
на мгновение слепли,
мгновения
длились
всё дольше.
Костры разгорались,
а думать о пепле
совсем не хотелось:
ведь *vita* же *dolce*.

Гас огонь,
другой разжигался -
по случаю;
но с топливом
стало труднее.

Однажды подружек
за кофе подслушала:
и что, интересно,
становится с нею?

Лицо изменилось:
острее и резче,
хоть вроде анфас и
смягчался улыбкой.
С глазами случились
забавные вещи:
как будто чужие,
и просто прилипли.

А с ним разошлась
и ни грубо,
ни нежно:
спокойно,
действительно,
стали друзьями.

Ей снится: сажает цветы,
на том самом
прибрежье,
а часто - что просто
копается в яме.

Вот голос - такой же,
хриплый по-прежнему.
И курит:
от этого легче,
проверено.

Темнеет в окне,
дальний свет
только брезжит.
И еще сигареты огонь
да стакан
с неразбавленным
вермутом.

Апрель 2025

Голос

Голос срывается.
Крик в нём
и плач в нём,
обида лавиной
на бывших
подруг и друзей,
вечная злость:
вот опять неудача,
вот ещё экспонат
в захламленный
пыток музей.

Голос ведет
будто песню
фальцетом;
отчаянья звуки
в высоких
щемящих
тонах:
конечно, о ней,
исчезнувшей где-то.
Но кто
эту песню услышит,
в каких временах?

Апрель 2025

Высокий холм ...

Высокий холм, зелёные поля внизу,
сквозь них дорога - змейкою, кривая.
Неясной цели непреодолимый зуд
гнал вверх, остановиться не давая.

Вот на вершине, рядом нету никого,
поля безлики, не считая змейки;
и зуд быть наверху, наверно, оттого,
что нет фигур, ни крупных и ни мелких,

которые пришлось бы с болью различать,
ловить забытые черты и позы -
но только грустно регистрировать печать
другого мира, где селиться поздно.

Устав, присесть на освежающем ветру,
пока не восстановиться дыханье,
представить жизнь не как неблагодарный труд,
не как невыполнимое заданье.

Моментом и минутой лёгкость ощутить,
поверив в то, что сам себе и создал:
где зелень и покой и где дороги нить
ведёт в конце к голубизне и звёздам.

В покой поверить и, не чувствуя помех,
стать частью созданной самим картины,
в которой ровный свет, и нет в которой тех,
к кому придти иль кто б пришел с повинной.

И так спокойствием и тишиной дыша
быть на холме до ночи ... до рассвета.
Как жизнь была бы неизменно хороша -
вот только рядом никого здесь нету.

Май 2025

Hammock Beach, Florida

Всё та же тема: бесконечность и покой.
Навеяна ритмичностью дыхания
воды, песком, который тает под ногой,
и корабля неясным очертаньем,

возможностью остановиться, ритм прервать
и в воду погрузиться на мгновенье.
Став чуть другим, неспешно продолжать,
смакуя лёгкость нового движенья.

Когда захочется - шаг развернуть назад;
цвета и звуки так же неизменны
и облака нежны по-прежнему, гроза
неведома воде с тончайшей пеной.

И верить тяжело, что мир придёт другой,
где жгут ветра и волны бьются гулко.
Там сохранится бесконечность, но покой ...
покой уйдёт, когда закончится прогулка.

Май 2025

Присесть ...

Присесть на проникающем ветру,
пока не восстановится дыхание,
увидеть жизнь не как тяжелый труд,
не как невыполнимое задание,

но как могучий вечности поток,
который где-то шире, где-то уже,
меняет цвет и звук и делает виток;
всегда другой - не лучше и не хуже.

Присев на берегу, а лучше встав,
цвета и звуки, наконец, заметить,
переписать затрёпанный устав
карандашом, что мне подарит ветер.

Май 2025

“Ещё” и “вот уже”

“Ещё” и “вот уже” совсем другими стали:
одно - как облачко вдали: всё меньше и мутней;
другое - как растущий жаркий ком из стали,
что догоняет, жалит в голову и бьёт по ней.

Май 2025

Прага: мысли на Карловом мосту

Невозможно найти пристанище -
и его здесь никто и не ищет.
Кем же надо пытаться стать еще,
чтоб частицей не стать этих тысяч,

что бредут по мосту в покорности, -
видно что многим вовсе не сладко -
не стараясь прибавить скорости,
сохраняя хоть зёрна порядка?

Как же хочется быть отдельными,
как не хочется быть похожими
на - пусть временных - но бездельников,
не идти туда где исхожено.

Кем же стать надо, чтобы искусу
вечных замков вверху не поддаться,
отказаться от сладкого привкуса
красоты вековой и богатства?

И от древних дворцов и соборов,
от их шпилей, лепнины и статуй,
и от стен, на бойницах которых
погибали когда-то солдаты.

И от роскоши, золота, ликов
с выражением вечной печали,
от скульптур, неизменно великих -
их такими всегда назначали.

От чуть вычурных символов веры,
что создали, пытаясь задобрить
Божество, подавая примеры
через годы твореньям подобным.

Во дворцах - не увидеть те залы,
где сияние ламп на паркете.
И не кушать, вздыхая, глазами
все роскошества, думая: этим

кто-то мог наслаждаться беспечно;
ах, как жили монархи когда-то
и оставили что-то навечно,
а сейчас - ни картин и ни злата.

А ещё - виды сверху, с обрывов,
чаще - с гладких из камня площадок:
то река изгибается криво,
то тяжёлая зелень кущами.

Или крыш красный праздник под небом
голубым - так идёт к черепице.
Как несчастен тот, кто сверху не был;
тот кто был - может этим гордиться.

Как же надо устать от вечности,
всех, кто трогать её пытается
взглядом жадным, ногами жечь её:
может что-нибудь и достанется.

Сколько стран нужно дальних объездить,
пробиваясь в дворцы и соборы,
чтобы начать бороться с болезнью,
агрофобия имя которой.

На холмах вроде разные замки,
у растений иные оттенки,
и у пушек, наверное, залпы
различались и силой, и тембром.

А вот люди на медленном марше
как-то странно во многом похожи.
Им приказано брать "всё, что наше" -
раз уж здесь - и сейчас, и не позже.

Им приказано в замки забраться,
фотографии роскоши сделать
и для селфи найти лучший ракурс,
восхищаясь счастливым уделом.

Мы, почти в это шествие влившись,
вдруг усталость и страх испытали:
да, действительно, это излишне:
всё ж, наверно, другими мы стали.

Развернуться - пока ещё можно, -
оказаться на улице тихой
и брести меж домов осторожно,
не тревожа ни жестом, ни криком

вечность, взявшую форму иную:
постаревших но гордых фасадов;
вряд ли что-то теперь их волнует -
точно, уж, не прохожие рядом.

Будто в поиск толкает нас ветер -
отпечатков времен и пространства, -
что пока еще держат в секрете
на какой-нибудь улице пражской.

Сохранилась же где-то та улица,
рядом скверик, возможно, что младше,
и никто там не соревнуется
первым быть на предписанном марше.

Может, медленно, но решительно
повернуть, чтоб найти пристанище:
вряд ли прежними сможем быть ещё,
видно, время другими стать уже.

Май 2025

Старые номера

звонить по былым номерам
уже страшновато

возможно
никто не ответит
или скажут что номер
давно отключён

и медленно мозг
заполнится
серою ватой

когда же в последний раз
говорили
не помню

не слышал
и сплетен

и кто может
что-нибудь знать
кто же ещё

возникнет немного
имен

которым можно звонить
не точно пускай
но наверно

немало было
выпито вместе
в закрытой уже
таверне

но говорить с одними
совсем не хочется

слишком много
придётся поднять
со старых времён

или сделать вид
что забыл и
прочее

притвориться
что прошлое
ничего не значит
или сказать
нет всё было
иначе

может быть извиниться
на всякий случай
мол был тогда
слишком
колючим

и спросить как бы кстати
ты случайно не знаешь
об имярек

скорее ответит
не знаю
вроде из вида
пропал человек

дорожка
у жизни кривая

кажется что-то
скрывалось в душе

и вообще

и это услышав
быстрее отсоединиться
и зачем надо было
звонить-то

с другими же поговорить
интересно

но слишком много
пришлось бы
рассказывать о себе

а вроде и нечего
всё как-то пресно
всё так себе

быстрее задать
тот вопрос

и услышать
да нет давно
не виделась и не говорили
год или два
или

да странно
куда-то они
вероятно уехали

а я как бы врос
в этот город
и никуда

хожу на концерты
ты помнишь ту группу
конечно же да
ты еще так удивлялся
успехом их

а что у тебя
так по-старому всё
старею немного быстрее
и холодно летом бывает
уже и в плаще
и мало что греет

да и вообще

звонить по былым номерам
уже страшновато
не знаешь что делать
когда не ответит никто

или скажут
что номер
не в сервисе

хоть кажется
что к этому и готов

и ни сердишься

но где же искать и как же узнать

и как же просить проще...

может лучше и не набирать

и вообще

Июнь 2025

Как время сейчас ...

Как время сейчас заполняет квадраты,
прямые фигуры, где всё разлинеено.
Оно растекалось как кляксы когда-то,
оно рассыпалось затейливым веером.

Но вот он собрался в простую сеть линий,
что движутся как бы - в одном направлении.
И можно тот лист, где чернила пролили,
в глазах удержать - но не между коленями.

Июнь 2025

Лица глубина ...

Лица глубина и судьбы знак на фото
куда-то уйдут, если сделано видео:
возможно в моменте постигнуть кого-то,
а если в движеньи - то много увидишь ли?

Улыбку, быть может, иль гнева гримасу,
усталость потом и глаза в удивлении.
Но это пройдёт, вместе с кадром погаснув,
... а правда - в застывшем на фото мгновении.

Июнь 2025

В этом месте ...

В этом месте меня не ждут.
Что ж, прилажу на память жгут -
прежде вспомнив, куда зовут,
рассчитаю другой маршрут.

И направлюсь, волнуясь чуть,
в то другое место, и пусть
не был там много лет - не суть:
звали раньше, проложен путь.

Но там будет закрыта дверь:
то, что в прошлом, - тому не верь,
ожиданья свои умерь -
не сбылись они и теперь.

Значит, надо вернуться в дом -
пока знаю, что будет в нём:
кресло мягкое под окном,
одинокий стакан с вином.

Июнь 2025

Марибор: Прощание

Мало что изменилось с тех пор
как впервые гуляли мы здесь:
восемь лет ведь ничто, если возраст,
наверное, тысяча.
Те же лебеди в Драве плывут,
и в них та же небрежная спесь,
и незрелый еще виноград,
и легко как-то дышится.

Камни улиц, и парки. и рядом холмы
вдоль исхожены все;
с их вершин те же красные крыши
и церкви виднеются.
Под дубами прохлада в жару
освежает как кофе глянсе,
черепахи в прудах и плывут,
и отплыть не осмелятся.

Всё видавшие площади: памятник в центре,
и кругом кафе;
за столами знакомые люди -
пусть только так кажется.
Deja vu: целый город как будто
единый и долгий эффект,
прочно в голову, уши, глаза
и всё тело посаженный.

Неизвестно, приедем еще ли сюда:
мы прожили главу
текст прочтя и еще и между строк
находя что-то важное.
Видеть хочется как черепахи
застыли и к нам не плывут,
и всё замерло, чтобы сбылось
слово города каждое.

Не возвращаться ...

не возвращаться
из путешествия
в то место
куда билет не купить
не дойти
не доехать
не долететь
не доплыть
потому что оно
никому неизвестно
и я про него
не понимаю
совсем ничего
ни где оно есть
ни как очутился я в нём

участок как будто
стеной огорожен
и рвом
с мутноватой водою
по голову
и ток по периметру
щёлкает тоже
по кабелю
голому

и ночью и днём

цвета
формы
звуки
воздуха запах
и юг
и восток
и север
и запад
другие чем
в мире снаружи

и чувствую
что я кому-нибудь нужен
не знаю вот только кому

ведь нет ни души здесь

или всё-таки есть

но я их не знаю
не вижу
не слышу

как и они меня
не могут
заметить
узнать
обратиться
по имени
или просто рукой
мне махнуть
как будто приветствуя
иль напротив
махнуть на меня
рукой
мол кто я для них такой

ещё что-то нежное
воздух колышет
в чуть нервной гармонии
я здесь иной
не думаю
что же быть может
со мной
не помню
что ж было
со мной

не возвращаться
из тайной
поездки
полёта
похода
которого ждал
эти долгие годы

но так и не понял
и где это я

кольнула в сознание
реальность-игла

секунда как вечность ушла

Август 2025

Гроза

Распоротый молнией неба живот
начнёт извергать ливня струи из раны,
в конвульсиях корчится - словно вот-вот
умрёт этот мир, эти люди и страны.

И в приступах боли не слышится стон,
но резкие крики - как будто угрозы
тому, кто вверх глянет, где раненый он
в страданиях себя исцеляет. И слёзы,

наверно, в потоках прозрачной воды -
смыть все, что внизу, всё зачистить стремятся.
А мне хорошо, я не вижу беды:
исчезнет весь мир? Разве надо бояться?

Август 2025

Прикосновение

Ищу прикосновения к тебе:
сплетенья пальцев, лёгкого полуобъятья,
толчков ладоней, будто бы в борьбе,
касания спины там, где застёжка платья.

Ищу прикосновения к тебе -
в вечернем разговоре на простые темы,
что вдруг приносит мысли о судьбе:
куда пришли и счастлива ли ты здесь, где мы.

Ищу - в шагах вдвоём по влажному песку,
который на границе синей вечности и желтой.
Не знаю сколько пережила на веку
прикосновений ты - и пухом, и иголкой.

Ищу прикосновения к тебе,
к тому, что у тебя в глазах, иль к коже гладкой:
оно, как капля мёда на губе,
тебя утешит, может, долгим вкусом сладким.

Август 2025

Жизнь

В шкафу - увешанный медалями пиджак,
На письменном столе - листы бумаги в беспорядке,
На полке книги - часть не читана - лежат,
В углу - гитара старая и с нотами тетрадка.

На стенах фотографий - лиц, пейзажей - нет,
Нет и зеркал; картина: женщина глядит на море,
Табличка: "Уходя, всегда гасите свет",
Полутемно, но виден чуть овальный вырез в шторе.

Август 2025

Время - 1

Перетекает в память время
из силуэта дерева в ночи, когда ни ветерка,
скользя невидимым потоком через темень,
лаская нежно грани каждого листка.

Не издавая звуков и не требуя вниманья,
берёт с собою всё, что рядом, и чего как будто нет,
и облагает вечной и желанной данью:
всё это возвращать - пусть будет ночь иль свет.

Август 2025

Время - 2

Броском внезапным в память входит время,
когда касание руки бьёт молнией по коже.
И сразу токи ударяют в темя,
и это ни на всё, что было прежде, не похоже.

Оно там остаётся яркой вспышкой,
в которой вечность и мгновенье потеряли смыслы.
И что, и как его оттуда вышлет?
... возможно, не уйдёт и никогда ...
возможно - быстро.

Август 2025

Лето кончилось ...

Лето кончилось, и стало холодно быстро;
солнце яркое, вроде, - но не согревает.
В новостях: где-то шторм, посадили министра,
ну еще и война, и война ... убивают.

Убивают совсем без разбора: ведь можно,
бьют по рынкам и людям, подъезды взрывают.
Их корят: что ж вы так, надо бы осторожней.
А они: всё неправда, и злей убивают.

Началось лето жарким - что, в общем, обычно:
так уж несколько лет, сколько точно - не помню.
И война по годам растеклась злом привычным,
стала мало кого потрясающим фоном.

Лето кончилось, плавать не хочется в озере.
Облака - что они, кроме солнца, скрывают?
Может, там кто-нибудь с чем-то праведным
возится?
А пока - всё война, всё война ... убивают.

Сентябрь 2025

Неправильные глаголы - 2

Мы почти доиграли и почти что до-верили:
мало ж как до-хранилось, во что верить можем.
Долго плыли мы, с ношей барахтаясь, к берегу,
и тяжёлой была - вряд ли что-то до-ложишь.

До-смотрели немало чего в этом плаваньи,
но ещё больше всё же не до-разглядели.
До-любили прильнувших и двинулись плавно так,
и не тех, видно, до-ненавидеть сумели.

И до-бились почти, и очки все до-считаны,
а в итоге - ничья ... и чего добивались?
Вроде близок и светит маяк ... не достичь его.
Тень нашли, отбарахтавшись, и до-бываем.

Сентябрь 2025

О прошлых битвах ...

О прошлых битвах не жалея
и поражений не боясь,
почти бездумно, ошалело
идти вперед сквозь мрак и грязь.

Поставить цель взамен ушедшей,
(и что с того, что не достиг)
стараться снова не обжечься
огнём, запрятанным в горсти.

И ждать упорно озаренья:
сама раскроется ладонь
и как награду за терпенье
на волю выпустит огонь.

Осветит цель, идти к которой -
с приличным шансом на успех -
пусть далеко, и пусть нескоро,
и одному, покинув всех,

найдя в скитаниях порядок,
найдя в лишениях покой
и думая: так, значит, надо.
И в этом - быть самим собой.

Сентябрь 2025

Долго ждал ...

Долго ждал у фонтана приедешь пока ты,
полчаса ... целый час, и решил, что уж слишком,
и к трамваю побрёл через площадь в плакатах,
через праздник какой-то - но был я там лишним.

Ждал ещё пару лет, ездил с кем-то в Карпаты
и натужно смеялся, притворялся, что лыжник.
Думал: сколько же времени нужно, пока ты
сомневаться начнёшь - может быть, я не лишний?

Время, впрочем, тянулось как склон тот покатый,
хоть взрывалось внезапно грозою, пролившей
струи мыслей - что вряд ли дождусь я, пока ты
наконец-то решишь: я уж точно не лишний.

И смирился, но изнутри ныло двулично
из ушедшего голос услышать - и только,
вроде из любопытства; и, мол, безразлично,
всё, что думать и делать захочешь потом ты.

Позвонил ... снова жду. Площадь стала другою,
но опять всё висит как на ниточке тонкой.
Вот подъехал трамвай, из дверей чередую -
парень, женщина в шляпке, ...и, может, потом ... ты.

Сентябрь 2025

Любовь, придуманная ...

Любовь, придуманная после стольких лет:
полузабытое лицо ... детали стёрты пусть,
но кажется прекрасным,
воображаемый вдвоём увиденный рассвет,
и дрожь по коже - от случайной как бы ласки.

Скорей не вспомнить - просто память убедить,
вставляя сосен рваный силуэт
и моря чуть пугающие краски.
... Но вдруг все так и было ... и кого теперь судить?
... и дрожь по коже - от случайной как бы ласки.

Октябрь 2025

Задумчивость

Усталая задумчивость огней,
погашенных почти
туманным воздухом, жужжанием сверчков
и расстояньем,
неспешно подбирается ко мне,
чтоб отыскать пути
проникнуть внутрь, раствориться там - неважно,
так хочу иль вопреки желаньям.

И мне принять придётся этот свет,
невидимый уже,
а только греющий слегка клубком воспоминаний
или будущим рассветом;
он вряд ли сможет - и не нужно -
что-нибудь внутри зажечь:
вполне хватает мягкости вошедшего тепла,
что шепчет: выбора ведь нету.

Так провести всю ночь, и завтра ждать тех
ласковых огней,
узнать их не случайностью уже, но как проникшего
спокойствия примету,
как знак, что боль утихнет от ошибок
прошлых и грядущих дней,
и замереть опять, невольно радуясь тому,
что, значит, выбора и нету.

Октябрь 2025

Дверь - 1

Не посмотрев в глазок,
дверь с ходу отворить решительно,
надеясь та, кого так долго ждал,
за нею, наконец, стоит ...
а это почтальон, в рубашке
с синими нашивками,
... забрать конверт, поставить подпись и подумать:
как же всё болит.

И дверь закрыть, и глянуть на конверт,
не узнавая почерка,
со вздохом бросить в стопку
нераскрытых писем на столе,
взять старый карандаш -
когда-то остро был заточенный -
и что-то на конвертах рисовать:
круги ... овалы лиц во мгле.

Октябрь 2025

Дверь - 2

Ключ, сразу повернувшийся в замке,
открывший дверь, сминая ожидания
попыток долгих, нервов как в комке,
и, вероятно, разочарованья.

Валялся ржавый в ящике стола,
не лез в глаза, был бесполезный вроде.
Но робкая рука его взяла,
попробовать решив, - и да, подходит.

На помощь звать, по счастью, не пришлось -
как хорошо быть никому не должным:
победы вместе, пораженья врозь -
так не всегда - достаточно я пожил.

За дверью всё окажется моим:
рисунки, неотправленные письма,
наверно, фото: мы вдвоём стоим,
и тучи где-то вдалеке нависли.

Там будет все как тридцать лет назад,
как принтера объёмная картина:
из воздуха возникшие глаза,
еще едва заметные морщины,

еще улыбка, непритворный смех
и мягкие ласкающие жесты;
еще не будет никого из тех,
которые придут и станут "вместо".

За дверью ничего я не возьму,
а только письма вслух перечитаю;
что чай остыл - я, наконец, пойму
и выброшу пакетики из чая.

На фото на лице - ни ветерка,
но кажется темней от туч нависших.
Почувствую, как ягода горька,
и косточку я выплуну от вишни.

Смеялись вместе - проиграли врозь:
возможно, это было правдой всё же.
Вот чуть видны в глазах следы от слёз -
но это пятнышки на фото, может.

Немного посижу, оставлю всё как есть,
ключ поверну - он выполнил задание.
Дверь затворится - и уйду, спокоен весь,
и лишь немного разочарованья.

Ноябрь 2025

Птица

Конечно - птица с ветки улетит,
окажется вверху, пятном на небе сером.
Насвистывала простенький мотив -
но пение прервёт
и в вышине замрёт,
как будто на невидимую ветку села.

А человек, что рядом был внизу -
стрелять в неё готов, а может, сделать фото -
он сдержит действовать немедля зуд,
опустит руки вниз:
не манит больше приз,
и станет вдаль глядеть, чуть грустный отчего-то.

И тишь, и нет движения нигде.
Стараться буду этой тишиной напиться,
вобрать покой природы и людей,
и как бы в файл собрать,
чтоб после - открывать.

... А только ведь - замолкла и взлетела птица.

Ноябрь 2025

Не будет, конечно ...

Не будет, конечно, повторного шанса -
и жить, примирившись с ошибками первого:
фальшивые ноты бывшего романса,
поэмы - то грубые, то слишком нервные.

Поблекнут и песни, и строки, однако,
но красок не сменишь, и что все дёргаться;
и станет привычным сидеть в полумраке:
туман за окном - или шторы задёрнуты.

Ноябрь 2025

В тумане озеро ...

в тумане озеро
неразличимы воздух
и вода
и облака

зеленый цвет исчез
и только блеклые
оттенки серого

коричневых деревьев
силуэты
заметные едва
по сторонам рассеяны

печать накладывают
гнутых нежных линий
чуть разбавляя
монохроматический
пейзаж
в котором смешаны
и воздух
и вода
и облака

и ветра нету
нет и волн
и света
привычного для глаз

и в этом всём
что ж можно было бы
назвать
сейчас
и что же называется
пока
а что *потом*

таких понятий тоже нет

не движется ничто
пожалуй лишь
одно
продолговатое пятно
предмет
иль существо живое
чуть колыхается
вдали

наверно это некий человек
который в мелких
капельках тумана
идет куда-то ли
плывет куда-то ли
танцует ли
одАренный чуть влажной
серой манной

гармонию находит
он вокруг в почти-что
не-цветах
в почти-что однородной
взвеси

кто знает может выглядит
сурово
может выглядит
не так
как я бы представлял его
но почему-то кажется
что весел

ему гораздо легче
чем в весенний яркий день
ему и двигаться
не хочется
ему б застыть в желанном
одиночестве
быть не у дел
забыть когда
зачем и почему
и где

надеется что солнце
не вернётся скоро
а может не появится
вообще
и не предстанет озеро
зеленым
иль светло-голубым
останется
ничем
и ни оно ни солнца свет
глаза слепить не будут

ещё и тишина
повсюду
ведь не услышит он
ни птиц чириканыя
ни ветра стона
ни шепота того кто рядом
и ни реплик разговора
заочного с людьми
что далеко

и это для него
есть то что называется
легко

надеется что не увидит
дальних берегов
и ближних
друзей
приятелей
врагов
как будто нужных
и как будто
лишних

надеется
что даже при любой погоде
размытым станет
всё
и все
езде
в тумане
в свете утра
преломленном в росе
в тени деревьев
вновь обретших листья
конечно при дожде
и в этом видит повод
тихо веселится

мне кажется что он
застегивает до конца
своё пальто
и снова радуется
что никто
в тумане
не найдётся
что он невидим тоже
секретный мир в себе
храня
в особенности рад тому
что он невидим
для меня

а я глаза закрою
хотя пятно и далеко
и не уверен это он ли
и серости туман
почти что полный
но всё ж глаза закрою
я на всякий случай
так и ему и мне наверно
лучше

Ноябрь 2025

Флаг

Побитый ветром, обожженный солнцем флаг
в руке несущий - скорее, по привычке.
В ушах - обрывки песен, звоны старых флагов
и давние слова, зажатые в кавычки.

На флаге превратились в блеклые цвета
и знаки, что когда-то были ярки:
не та материя - или рука не та
кисть окунала в краски неизвестной марки.

Кто следует за флагом - трудно рассмотреть,
хотя гляжу всё чаще и всё дольше.
Не то, чтоб им за мною тяжело успеть -
тянуло раньше к флагу их - не тянет больше.

Куда-нибудь придти бы и древко вниз вонзить,
в траву, где для других он виден еле.
И наблюдать, как ветер рвет за нитью нить,
спокойно наблюдать - уже без всякой цели.

Декабрь 2025

Забвение

Забвению так много подлежит:
ночное небо в жёлтых звёздных дырах,
день, что невнятно в тишине прожит,
и лица редкие на улицах унылых;

и давний день, на этот непохож:
тогда казалось небо потемнее,
лицо, рука и ржавый голос-нож,
которым кожу резали, - чтобы больнее;

слова, потом завёрнуты в стихи,
и улица, где их произносили,
рот, ставший от волнения сухим,
и влажные глаза, застывшие в бессилье.

Забвению так много подлежит:
обиды, неудачи, огорченья.
Из неба в память мысли проложив,
искать их и надеяться послать в забвенье.

Январь 2026

Частично правдивые заметки о неком доме престарелых

Построение в ряд.
Но глаза не горят
и уныл каждый взгляд,
то ли вниз, то ль назад;
настроение вряд
ли назвать можно слишком уж бодрым
иль праздничным.

Тот, что справа осип:
видно, всё недосып,
тот, что слева, косит
на соседа - тот стих
вродь бормочет, но тих.
Ну о чём говорить - о болезнях, ну разве что?

А в ряду разнобой:
кто-то еле живой,
кто-то жив - но хромой,
слева ... а, он косою.
И старуха с косою
фланг прикрыла - пока что не движется.

Ждут команду "За стол!".
Получили укол,
ожидаемый столь,
и таблеток фасоль,
чтоб уменьшилась боль:
вот небольшое то, что хотелось бы им уже.

Тут команда звучит:
"У кого низ урчит,
но не памперсов щит,
а повыше, почти,
где живот - не хрящи, -

тем направо места занимать закреплённые.
Кто не может идти
или кресло вести -
мы поможем в пути:
будем кресло катить,
только уж не вертись,
чтоб вираж проскочить, не упав меж колоннами.”

Что ж, такой тут народ ...
Но пройдут поворот,
не застрянут; вперёд,
через преграды - и вот
ложка тянется в рот,
пусть рука и дрожит - но задача решается.

И дремота потом,
с ними как с тем котом:
в этом месте и в том
повстречаться со сном,
быть в забытии простом,
чуть Морфея обнять - уже только его, и без
шалостей.

Для души самогон -
телевизор включён,
под него сладок сон.
Льётся пошлый шансон:
показательный фон
для событий нехитрых сего заведения.

Иногда домино -
развлечение оно,
также с целью дано
не пустить мозг на дно;
и ушам встряска, но
цель ещё - рук, и ног, и плечей упражнения.

Ну вот так и живут:
кормят, поят их тут
и лекарства дают,
и помыться ведут,
даже песни поют,
одевают - хоть одежда подчас исчезает.

Где-то в восемь - отбой,
мирно или с борьбой,
чтоб с утра - снова в бой,
хоть и бьются с собой,
хоть с гримасой смурной -
к построенью готовы, снова в кресла свои залезают!

Январь 2026